

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

С.Н. Амельченко

10.7256/1999-2793.2013.02.5

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО КОДА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В философских работах, направленных на изучение российского менталитета, сложилась устойчивая традиция концентрировать внимание на свойственных ему противоречиях и «непреодолимой бинарности», в которой Лотман видел источник саморазрушения отечественной культуры, а И.В. Кондаков — наличие «противоупора», позволившего ей просуществовать до конца XX в. Между тем, в рассматриваемом ими феномене имеются устойчивые и гармонично сочетающиеся между собой черты, образующие ментальный код российской культуры, который стал ее ценностно-смысловой константой и обусловил уникальность и преемственность ее развития на протяжении всей ее истории. При познании этого кода может быть применена деконструкция как исследовательская стратегия, позволяющая реконструировать его скрытое устройство и осуществить последующую коррекцию его конфигурации в новом историческом контексте. Данный подход в сочетании с методами структурализма и психоанализа позволяет показать, что бинарность была свойственна структуре ментального кода лишь на ранней стадии становления, но затем его устройство обрело трехчастное строение, обеспечившее целостность бытия российской культуры, а также возможность сохранения ею своего достойного положения в мультикультурном мире в условиях глобализации.

Ключевые слова: философия, российская культура, ментальный код, структура, функция, модуль, должное, идентичность, реконструкция, деструкция, деконструкция.

Значение ментальных устоев культуры в условиях глобализации

Процессы модернизации, развернувшиеся в российской культуре в преддверии III тысячелетия, выявили необходимость дополнительного исследования ее ментального кода. Острота этой проблемы обусловлена ее вхождением в мультикультурный мир, эпоху глобализации, которая имеет несколько вариантов развития. В одном случае этот процесс может быть связан с установлением безраздельного доминирования западной культуры, патронирующей множество других культур, которые, безоговорочно перенимая ее ценности и обслуживая ее интересы, утратят свою уникальность. Другим вариантом может стать самоизоляция различных культур, в которых возрастут национализм,

ксенофобия и фундаментализм, провоцирующие конфликты как локального, так и глобального масштабов. Наконец, третий вариант предполагает создание плюралистического мира, формирование плодотворного диалога между культурами, каждая из которых обладает особым характером мировосприятия и самореализации. Первый путь ведет к унификации («вестернизации») мировой культуры, второй — ее стагнации и перманентной конфронтации между ее субъектами, третий — развитию ее разнообразного творческого потенциала, в котором заметное место принадлежит и российской культуре.

Источником самобытности каждой, в том числе и российской культуры, является ее менталитет. Рассматривая специфику этого феномена, П.С. Гуревич и О.И. Шульман отмечают, что менталитет — это «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей,

верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества»¹. Эти исследователи обращают внимание на то, что в менталитете сочетаются порождения природных и социально-обусловленных компонентов, эмоционально-образные комплексы и мыслительные схемы, идущие из глубин бессознательного интуиции и зрелая аналитическая рефлексия. Менталитет создает устойчивые ценностные ориентации, раскрывает представление субъектов культуры о жизненном мире и определяет основы их самореализации.

В российской философии интерес к ментальным основам культуры проявился еще в суждениях П.Я. Чаадаева, который указал на значимость изучения «общего духа» народов и стремился понять место и роль России в мировом процессе. Данную проблему затрагивали Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов и другие российские мыслители, которые сосредоточили свое внимание на контрастах, таящихся в глубине души русского народа и выражающихся в его благочестии и бунтарстве, доброте и жестокости, устремлениях к святому и порочному.

В российской философии советского периода духовно-психологическая константа культуры оказалась на периферии теоретической мысли, в большей степени занятой разработкой аспектов классовой борьбы. Интерес к исследованию менталитета возродился в последнее двадцатилетие, когда стало очевидно, что данный феномен, выделяющий культуру в панораме иных культур, не является продуктом искусственных идеологических манипуляций, хотя и не может не реагировать на них.

Ментальная составляющая российской культуры и возможность ее трансформации рассматривается современными философами с разных позиций. Одни из них полагают, что исторически российская культура ориентировалась на Запад, однако ее менталитет не позволил ей стать полноправной участницей мировых процессов. Среди тех, кто придерживается этого мнения — американский теоретик Дж. Скэнлан, заявивший, что особенности российского общества обусловлены его «органистским менталитетом», проявлением которого стала «идея единого (органического) целого», при этом «проявления этой идеи — такие, как соборность, социальная солидарность, общая задача, тотальное единство, взаимная выручка и др. — все они характеризуются возвышением общинного начала над

правами и интересами индивидуума», что оправдывается духовными принципами как религиозных, так и светских философов². Скэнлан считает, что менталитет блокирует развитие российской культуры и его нужно привести в соответствие с западными ценностями.

Представители другой позиции указывают на наметившийся на исходе XX века надлом ментальных устоев российской культуры, усматривая в этом процессе признаки ее саморазрушения. Как утверждает Б.П. Шульдин, исчезновение ментальных черт, обеспечивавших на протяжении веков выживание российской культуры, может привести к тому, что новые поколения, которые появятся в ее историческом пространстве, не будут идентифицировать себя с ее идеалами и свершениями³. В этом же направлении высказывается И.В. Кондаков, который, принимая во внимание ментальный кризис, разразившийся в постсоветской российской культуре, отмечает возможность ее полного распада и появления на ее руинах новой цивилизации⁴. При этом формула гуманности этого неизвестного образования неясна, что актуализирует проблему исследования и деконструкции ментальной составляющей российской культуры. Такое познание позволяет глубже разобраться в условиях целостности ее бытия, определить пути преодоления охвативших ее кризисных явлений и обозначить возможности привнесения ею ценностей плюрализма в мультикультурный мир.

Подходы к исследованию ментальных основ российской культуры

В анализе ментальных оснований российской культуры зачастую выделяют два аспекта — *временной* и *пространственный*. Первый аспект позволяет обратиться к историческому контексту и осуществить связь времен в познании специфики менталитета, в котором, по наблюдению И.К. Пантина, проявляется «своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически

¹ Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 1270.

² Скэнлан Д.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 63.

³ Шульдин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социс. 1999. № 12. С. 52.

⁴ Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007. С. 68.

сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах»⁵. Второй аспект, с одной стороны, указывает на «всемирную отзывчивость»⁶ как ментальную черту российской культуры, расположенной на пересечении ценностно-смысловых полей Запада и Востока, а с другой — позволяет (вслед за Г.Д. Гачевым) рассматривать ментальную составляющую как «Космо-Психо-Логос»⁷ российской культуры, обусловленный ее особым отношением к природному ландшафту, как взрастившему ее лону.

Обозначенные аспекты определили основные направления исследования ментальных основ отечественной культуры в российской философии, в которой сложилась устойчивая традиция рассматривать их сквозь призму *бинарных* оппозиций. Так, Н.А. Бердяев находил причину резких контрастов и крайней противоречивости российского ментального строя в его близости к природной среде. Согласно его суждениям, именно необъятная ширь отечественных просторов стала причиной отсутствия у русского народа «самодисциплины духа», внутренней самоорганизации, умения жить в «дифференциациях культуры»⁸. Бердяев полагал, что возникающая на данной почве бесконечная неопределенность и стала фактором, разрывающим национальное самосознание между смирением и анархическим бунтом, религиозностью и атеистическим нигилизмом, национализмом и космополитизмом.

В бинарном ключе показал особенности российского менталитета Ю.М. Лотман, которого интересовал временной аспект этого феномена. Он говорил о «маятнике» национальной истории, усматривая ее источник в бинарной структуре российского самосознания, в котором содержится установка на достижение неосуществимого идеала и уничтожение всего того, что не соответствует его высоким критериям. Лотман доказывал, что бинарная организация бытия является выражением психологии бескомпромиссной борьбы, которая пронизывает весь ход российской истории, представляя ожесточенную схватку между добром и злом, революцией и реакцией, царствами Христа и

Антихриста. Такое развитие прерывается социальными взрывами, ведущими к полному крушению ранее сложившейся культуры.

Данной модели Лотман противопоставил свои собственные западному миру *тернарные* системы, которые обладают преимуществом, т.к. «сохраняют определенные ценности предшествующего периода»⁹. Поясняя свою теорию, он показал специфику тернарных систем в *историческом* и *культурном* аспектах. В первом случае у него идет речь о введении в исторический процесс третьей составляющей, примером чему стала Великая Французская революция, во время которой, помимо двух борющихся сторон (дворянства и народных масс), выделилась третья — буржуазия, ставшая новой созидательной силой¹⁰. Рассматривая другой аспект проблемы, он заявил: «Тернарные системы находят более естественное применение в практической, эмпирической сфере культуры, поскольку развитие здесь ограничивается материальными возможностями процесса», тогда как бинарные системы развиваются в художественных фантазиях и социальных утопиях¹¹. Здесь эталоном становится культура протестантизма, в которой «культ здравого смысла, умеренности и разума приобретает доминирующий характер»¹². Он считал, что российская культура должна избавиться от бинарной психологии, «ибо сейчас вопрос о переходе к общеевропейской тернарной структуре приобрел гамлетовский характер — “быть или не быть”»¹³.

Приписывая российскому менталитету бинарную структуру, Лотман отмечал, что она не допускает права на существование противоположной стороны, где бы она ни была представлена — в политике, религии, науке или искусстве: «Сама идея терпимости чужда психологии бинаризма»¹⁴. Между тем, данное положение противоречит многовековой традиции ведения российской культурой диалога не только с соседними, но и локальными культурами малых народов, развивающимися, наряду с русской, в их общем пространстве. Кроме того, данное утверждение ставит под сомнение не

⁵ Российская ментальность: Круглый стол // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 30.

⁶ Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1984. Т. 26. С. 131.

⁷ Российская ментальность: Круглый стол // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25.

⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 248.

⁹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 142.

¹⁰ Лотман Ю.М. Семиотика и типология культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 34.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 36.

только целостность, но и дальнейшее развитие российской культуры, в бинарной психологии которой, по мысли Лотмана, содержится неприемлемое отношение к тернарной системе.

Разработка бинарных оппозиций представлена и в теории И.В. Кондакова, который также исходит из того, что «менталитет русской культуры отличается ... принципиальной противоречивостью, двойственностью»¹⁵. Указывая на то, что менталитет представляет глубинную структуру российской культуры, он отметил присущую ей борьбу центростремительных и центробежных сил, приводящих в действие механизмы интеграции и дифференциации, кумуляции и дивергенции, синтеза и селекции. Полагая, что именно эти факторы обусловили появление разных исторических подтипов русской культуры, он, тем не менее, обратил особое внимание на ее целостное строение, позволяющее ее современным субъектам идентифицировать себя с каждой ее эпохой.

Принимая во внимание мысль Лотмана о том, что каждый взрыв, возникающий в бинарной структуре культуры, ведет к ее всеобъемлющему крушению, всякий раз осознаваемому как завершение прежней и начало новой эпохи, Кондаков, тем не менее, стремится выявить единство русской культуры, обусловленное ее менталитетом, соединяющим «несколько сменившихся друг друга культурно-исторических парадигм, не столько следовавших друг за другом, сколько надстраивающихся одна над другой семантическими слоями»¹⁶. Кондаков говорит о *преемственности* культурных эпох в российском историческом процессе, имеющих в них *смысловых совпадений*, «неизменности (метаисторичности) менталитета русской культуры»¹⁷. При этом, согласно его теории, эта целостность обеспечивалась отсутствием в ментальной структуре российской культуры «середины», ее тяготением к крайностям, вызванным ее «евразийской пограничностью», «противоупором» действующих в ней противоположных сил, образующих равновесие ее бинарной системы.

Кондаков отмечает, что в последний период в российской культуре приоритетное значение получила конвергенция, призванная соединить несоединимое. Он полагает, что достижение этой цели ведет к устранению «бинарности русской культуры, со-

ставляющей смысловую структуру ее менталитета»¹⁸ и разрушению модели ее саморегуляции («противоупора»), обеспечивавшей баланс противоположных сил, который на протяжении всей ее истории был необходим для ее выживания.

Между тем, если принцип бинаризма может использоваться при объяснении *механизма любого изменения*, в том числе и развития российской культуры, то его применение никак не проясняет основ целостности ее бытия. Решению данной проблемы способствует реконструкция структурно-функционального устройства ментального кода российской культуры.

Реконструкция ментального кода русской культуры как метод познания целостности ее бытия

В различных исследованиях специфики русского менталитета обычно выстраивается перечень свойственных ему контрастов и противоречий. Между тем, в этом феномене имеются устойчивые и гармонично взаимодействующие между собой черты, которые образуют *ментальный код русской культуры, приводящий к единству ее несхожие семантические и динамические конфигурации*. Возникающий в навыках духа и проявляющийся в жизненной практике деятельных субъектов, ментальный код скрепляет разные исторические пласты создаваемой ими культуры и становится ее *ценностно-смысловой константой*, определяющей ее уникальное своеобразие в мировом универсуме. Ментальный код обуславливает действие механизмов ее исторического развития и аккумулирует *социально-значимый опыт*, передаваемый из поколения в поколение, побуждая людей воспринимать мир и действовать в нем определенным образом. Он включает в себе наиболее емкую и концентрированную информацию о *должном — необходимом и благом*, с которым связывают смысл своего существования творцы и приверженцы данной культуры. Ментальный код становится основой их *идентичности*, обеспечивая целостность русской культуры на протяжении всего ее исторического пути.

Структура ментального кода любой, в том числе и русской культуры коренится в ее архетипических глубинах. Понимание этого устройства корректируют идеи, изложенные в структурализме К. Леви-Строса и психоаналитической теории К. Г.

¹⁵ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 338.

Юнга. Один из них показал, что первичные формы обретаемого людьми опыта берут начало в недрах коллективного бессознательного и фиксируются посредством бинарных оппозиций, указывающих на связь «*между мужским и женским началами..., священным (сакральным) и несвященным (профаническим)*»¹⁹ и мн. др. Леви-Строс обратил внимание на то, что все эти оппозиции передают логику восприятия универсума, его системное устройство. Юнг, изучая эти смысловые феномены, назвал их архетипами, пояснив, что они структурируют наиболее раннее восприятие мироздания и являются первичными познавательными моделями, посредством которых усваивались устойчивые связи реальной действительности. Он утверждал, что «архетипы дают жизнь мифам, религиям и философским концепциям», которые в свою очередь можно интерпретировать «как своего рода ментальную терапию» от неопределенности, беспокоящей человеческое сознание²⁰. К основным архетипам он относил «образ Великой Матери, воплощающей Мать-Землю», а также небесный «Дух, бывший отцом всего сущего», который по мере десакрализации сознания трансформировался в представление об интеллекте²¹.

Сказанное позволяет понять, что на раннем этапе становления российской культуры исходные элементы ее ментального кода составила связка архетипических образов *Отца-неба и Матери-земли*, которая выстроила в сознании ее субъектов представление о предельных основаниях человеческого бытия. Эта бинарная парадигма определила содержание их мифо-ритуального континуума, указала на нерасторжимое единство небесных и земных сил и образовала *модус должного, который выражал идею обязательной сопричастности человека «мудрости» природы*, проявляющейся в ее жизнеспособности и силе.

Бинарный принцип построения картины мира и объяснения всего сущего вполне естественен для ранней стадии генезиса культуры, однако недостаточен для ее дальнейшего развития и последующего понимания данного процесса. Как отмечает М.Н. Громов, «зацикливание» на бинаризме, наблюдаемое в разных дискуссиях последнего времени, является «препятствием для действительно глубокого, фундаментального изучения

рассматриваемого объекта»²². Он утверждает, что *в организации пространства российской культуры может быть выявлен и трехфакторный принцип*, принимая во внимание схему «Россия-Восток-Запад» и рассматривая ее преимущественно в философско-историческом ключе.

Дополнительные возможности в выявлении и исследовании трехчастной структуры ментального кода российской культуры открываются с применением структурно-функционального метода. В данном случае стержневыми составляющими ментальной структуры становятся смысловые феномены, каждый из которых выполняет функцию по определению основ формирования *духовной, материальной либо социальной* сфер культуры в их взаимосвязи и развитии.

Переход двухчастной в трехчастную структуру ментального кода российской культуры произошел в период усложнения ее социального и духовного пространства. Импульс этим изменениям придали процессы обращения славян к сопредельному северо-западному и юго-восточному культурному опыту — социальной организации варягов и религиозному достоянию Византии.

Приобщение русской культуры к христианству привело к изменению имеющегося в ее ментальном коде архетипа Отца-неба (ранее представленного пантеоном божеств, персонифицирующих силы солнца, грозы, ветра и пр.) и его модификации в *образ единого Бога, небесного отца и творца всего сущего*. Утверждение данного компонента в ментальном национальном строе не только обновило картину мира, но и выстроило представление об идеале, освещающем путь духовного совершенствования каждого человека и всего общества. Идея Бога, став ментальной составляющей отечественной культуры и стержнем ее духовного пространства, очертила ценностные ориентиры ее последующего развития, способствуя формированию в нем религиозной просвещенности и традиции служения христианским ценностям и идеалам.

Произошедшие события не изъяли из мироощущения славян мистического отношения к земле как материнскому началу жизни, но теперь оно сомкнулось с процессом формирования национального самосознания, пониманием того, «как образовалась Русская земля». Тексты той эпохи, в том числе «Повесть временных лет» отразили становление представлений о *Родине как культурно*

¹⁹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 127.

²⁰ Юнг К. К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М., 1997. С. 76.

²¹ Там же. С. 93.

²² Единство мира и многообразие культур (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 21.

обустроенном пространстве, обители русского народа, не только украшенной природными богатствами, но и имеющей «города великие», «селения славные», «сады монастырские» и пр.

В ментальном строе переход двухчастной в трехчастную конфигурацию происходит путем введения в бинарное соединение третьей составляющей — медиации. Как отмечал Леви-Строс, она является связкой «между диаметральной формой дуальности и троичной системой, причем переход одной формы к другой происходит именно через нее»²³. Поясняя свою мысль, он указывал на то, что «двоичная структура определяет классы, а троичная — отношения между ними»²⁴. Из сказанного следует, что медиация, как центральное звено трехчастной структуры, становится формой организации взаимодействия ее полярных компонентов. Она несет на себе их признаки и обеспечивает когерентность бытия, выражающую связь всего во всем.

В ментальном коде российской культуры медиация стала связующим звеном между верхом — идеей Бога (модифицированным архетипом Отца-неба) и низом — образом Родины (видоизмененным архетипом Матери-земли). Если *верх* в этой структуре определил содержание *духовной* составляющей российской культуры, *низ* — специфику формирующих ее *материальное* пространство различных видов хозяйственной практики, то *медиация* стала той установкой сознания, которая способствовала ее *социальной* организации. Эту функцию в ментальном коде российской культуры и предметно-преобразующей деятельности ее субъектов стал выполнять *образ государственной власти*, наделенной полномочиями и силой *верха* и организующей существование *низа*. Средний компонент ментальной структуры возник для того, чтобы обеспечить гармоничное соединение небесного и земного, идеального и материального, отдельного и всеобщего, потенциального и актуального в бытии культуры.

На ранней стадии образования институтов русской государственности правитель, будучи персональной презентацией образа власти, мог ассоциироваться в народном мышлении с солнцем, благотворно воздействующим на жизнь своих подопечных. В дальнейшем архетипический верх, представленный в структуре ментального кода российской культуры образом небесного Бога-отца, продолжил выполнять

функцию легитимации власти, которая наделялась сакральным статусом и в идеализированном виде выражала отеческую заботу о низе — опекаемом народе, его жизненном мире.

Таким образом, *подчинение организующей силе государственной власти, наряду с христианской верой в Бога-отца и любовью к Родине, матери-земле обозначили модус должного и сформировали ту структуру ментального кода российской культуры, которая оказала влияние на все ее дальнейшее развитие*. Этот укорененный в недрах бессознательного комплекс мыслей, чувств и побуждений соединил национальные представления о базовых ценностях бытия, наполняющих смыслом существование субъектов российской культуры. Эта трехчастная структура, совмещающая природные и социальные, небесные и земные, духовные и материальные, эмоциональные и рациональные, всеобщие и индивидуальные аспекты человеческого существования, закрепились в устойчивом развитии соответствующих концептуальных линий, которые из поколения в поколение встраивались друг в друга, обеспечивая целостность российской культуры на протяжении веков.

Притом, что генезис рассматриваемого феномена складывался в виде «полуосознанного культурного шифра»²⁵, в дальнейшем его структура получила огранку в трудах известных отечественных мыслителей. Обращение к этой проблеме достигло уровня зрелого философского дискурса в императорский период развития российской культуры, а также в выступлениях представителей русской эмиграции XX века.

Импульс к обсуждению данного феномена придали высказывания П.Я. Чаадаева, который выразил сожаление относительно того, что Россия ничего не дала миру, но могла бы совместить в своем развитии опыт Востока и Запада, став примером в решении тех проблем, которые волнуют все человечество. Полемическая заостренность его суждений вызвала широкую общественную дискуссию, в которую вступил и министр образования С.С. Уваров — автор доктрины «православие — самодержавие — народность». Он говорил о ее составляющих как спасительных началах национального духа, способствующих процветанию России, сохраняющих и укрепляющих ее жизнеспособность. Данная формула провозглашала в качестве высших ценностей *Бога, царя и отечество*, став

²³ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 135.

²⁴ Там же. С. 145.

²⁵ Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 1270.

модифицированным выражением ранее созданной в российском сознании трехчастной модели мировосприятия. Очерчивая ценностно-смысловое ядро российской культуры, эта триада вписалась в ее уже сложившийся ментальный код, соединяющий представления о ее прошлом, настоящем и будущем.

В отечественной философии этого, а затем и зарубежного периодов постижение ценностей, структурирующих ментальный код российской культуры, облеклось в цепочку понятий «*софийность — соборность — всеединство*».

В осмыслении первой составляющей данной триады получило развитие укорененное в русском ментальном строе представление о *сакральном начале бытия, наполняющем идеалами истины, добра и красоты все сферы человеческой жизнедеятельности*. Софийность в размышлениях российских философов предстала как открытый сознанию людей и персонифицированный в образе Св. Софии мудрый божественный замысел о высшем предназначении человечества, под которым понималось духовное восхождение народов и их нравственное преображение. Трактовка софийности может быть передана суждениями С.Н. Булгакова, который утверждал, что в ней таится неиссякаемый источник вдохновения, подвигающего людей к знаниям и воплощению Премудрости Творца в хозяйстве, культуре и искусстве²⁶.

В российском миропонимании софийность как любовь к мудрости совместилась со светским научным мышлением, получившим распространение с первой волной национальной модернизации, вызванной петровскими реформами и вхождением отечественной культуры в эпоху Просвещения. При этом софийность не только выражала стремление к истине, но и предполагала разные — интуитивные и рассудочные, эмоциональные и рациональные пути обретения знания, а также указывала на его *гуманное* предназначение, направленное на преодоление разобщенности и объединение народов.

Не менее значимым принципом плодотворного человеческого взаимодействия российскому сознанию представлялась соборность, которая мыслилась идеальным прообразом не только церкви, но и русской государственности. Отечественные мыслители усматривали в *соборности идеал духовного и социально-политического единства*²⁷,

целью которого должно стать сбережение народа, развитие разумных и нравственных устоев его жизнедеятельности.

Соборность, в российском понимании — это такая система отношений между людьми, которая не нивелирует человека, не ущемляет его свободу и достоинство, но способствует его развитию, блокируя какие-либо проявления индивидуализма и эгоцентризма. По мысли Н.А. Бердяева, это объединение отличается от «соборности», формирующейся на основе автоматического подчинения и господства²⁸. В то же время он замечал, что соборность еще только предстоит создать, она принадлежит «умопостигаемому образу мира», но в отношении к реальности «она есть долженствование»²⁹.

Непосредственная сопричастность смыслу ранее приведенных понятий открывается и в трактовке русскими мыслителями всеединства. В их трудах оно представлено как *высшее благо всеобъемлющей целостности, сама суть изначального мудрого божественного замысла и предназначение народов, созидающих мир культуры и претворяющих в своей предметно-преобразующей деятельности принципы глубокого согласия и плодотворного сотрудничества*. Поясняя смысл данного понятия, В.С. Соловьев указывал на то, что всеединство делает сопричастным абсолютной полноте целого и отдельного человека, и живущий через него весь род преемственных поколений, и образующийся в их совокупности народ, включающийся вместе с другими народами в развитие всего человечества. Согласно его высказыванию, всеединство — есть добро, а «добро есть должное»³⁰, раскрывающее свою сущность в верховном гуманном принципе человеческого сосуществования, в соответствии с которым россияне должны любить все народы как свой собственный народ. Смысл всеединства дает ключ и к российскому пониманию трудовой этики, которая нацелена не на личное спасение и обогащение, а на приумножение общественного блага.

Введенные в философский мир российской культуры идеи софийности, соборности и всеединства высветили на уровне зрелой рефлексии структуру ее ментального кода и обнаружили преемственность с

²⁶ Булгаков С.Н. Софийность хозяйства // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 133.

²⁷ См.: Бирюков Н.И. Соборность как религиозный и политический идеал // Философские науки. 2005. № 6. С. 5-17.

²⁸ Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 430, 431.

²⁹ Бердяев Н.А. Русская идея. М.-Харьков, 1999. С. 156.

³⁰ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 205.

его прежними составляющими. Так, с софийностью увязывались духовные традиции православия; смысл соборности соединился с идеалом государственного устройства и его предназначением, направленным, в соответствии с религиозным миропониманием, на реализацию мысли Творца о совершенном человечестве; интерпретация всеединства сомкнулась с идеей служения своей Родине в деятельном взаимодействии с другими народами.

Данные установки очертили *идеальный* горизонт в развитии российской культуры и обозначили в нем *модус должного, смысл которого заключался в бескорыстном и беззаветном служении человечности и озарении мира светом христианских добродетелей*. В этом проекте усматривалась высокая миссия отечественной культуры, ее национальная идея, ставшая основой *религиозно-этнической идентичности* ее субъектов.

Притом, что этот модус нес в себе заряд нравственности и гуманности (вследствие чего отечественная культура стала очагом высочайшей духовности), он вступал в глубокое противоречие с его реализацией в жизненной практике российского общества, в которой длительное время существовал институт крепостничества (по сути физического рабства), были распространены элементы деспотизма, насилия, произвола и мн. др. Разлад между *должным* и *сущим* и запускал механизмы *бинарности*, объясняющие *дискретность* отечественной истории и открывающиеся в *диахроническом* измерении российской культуры. Между тем, *трехчастная* структура ее ментального кода, *функционально* возобновляемая в каждом ее *синхроническом* срезе, всякий раз обеспечивала ее воспроизводство и *целостность* в новых исторических условиях.

Модификация, деструкция и деконструкция ментального кода российской культуры в советский и постсоветский периоды ее развития

В конструкции российской культурной истории, как показывает И.В. Кондаков, каждая ее «последующая парадигма “наслаивается” на предыдущую, одновременно и продолжая, и преодолевая ее»³¹. Основой этой целостности он считает устройство ее менталитета, новой модификацией которого стал

«*российско-советский менталитет*»³². Его структура, согласно теории Кондакова, также несла в себе комплекс *непреодолимой бинарности*, который всегда был чреват непредсказуемыми взрывами, но и содержал в себе возможность достижения баланса между противоположными силами, что обеспечило выживаемость российской культуры до конца XX в. Между тем, в показанных Кондаковым и другими теоретиками противоречиях российского и советского менталитета усматривается логика мирового развития в целом³³, поэтому объяснение этой проблемы нуждается в дополнительной коррекции.

Встраивание российской культуры советской эпохи в ее прежнюю конструкцию можно объяснить тем, что ранее выявленное трехчастное устройство ее ментального кода сомкнулось с новообразовавшейся структурой, исполняющей схожие функции. Смена политического и социально-экономического строя в российской истории привела к *модификации* структурных элементов ментального кода российской культуры, однако не изменила их общей конфигурации. В период второй волны модернизации отечественной культуры основные идеи, создававшие картину мира и выразившиеся в совокупности устойчивых мыслей, убеждений и чувств ее субъектов, облеклись в цепочку новых понятий «*идейность — партийность — коллективизм*».

Идейность, вытеснившая из ментального кода отечественной культуры прежнюю религиозную составляющую, также *выражала извечное стремление российского общества к идеалу, став проявлением его духовных потребностей и огромных творческих способностей, реализованных в научных открытиях, художественных произведениях* и пр. Идейность той эпохи несла в себе заряд веры в величие и торжество общечеловеческих ценностей, однако в ней заключалось и антагонистическое начало, внесенное идеологией, оказывающей воздействие на общественное сознание с помощью средств массовой пропаганды. Базируясь на

³² Там же. С. 67.

³³ Следует заметить, что бинарность, выражающаяся в антиномии сущего и должного, различном понимании последнего и использовании несхожих методов его осуществления, является атрибутом развития не только российской культуры, как настаивают некоторые теоретики, но и мировой культуры в целом, проявляясь в противостоянии республиканского и императорского Рима, крестоносцев и арабского Востока, католиков и гугенотов, ереси и инквизиции, рабовладельческого Юга и демократического Севера, лейбористов и консерваторов, демократов и республиканцев, Давосского форума и антиглобалистов и т. д.

³¹ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007. С. 320.

учении о классовой борьбе, идеология, как официальная мировоззренческая доктрина, не только становилась инструментом легитимации власти и контроля за всем происходящим, но и привносила в ментальный код российской культуры элемент нетерпимости к любому инакомыслию.

Партийность стала той чертой российского самосознания, которая *несла в себе веру в идеализированный образ главы государства и совершенную систему социально-политического регулирования человеческих отношений*. Независимо от факта нахождения человека в рядах правящей политической организации, партийность в качестве стиля советского мышления становилась признаком социальной надежности и преданности интересам трудящихся. Отсутствие такой установки сознания давало повод для преследования и репрессий.

Важнейшим элементом ментального кода российско-советской культуры был коллективизм, *проявившийся в самоотверженности ее субъектов, их готовности к взаимовыручке и самоотдаче, умении аккумулировать энергию и волю в решении масштабных исторических задач*. Эта особенность сознания и поведения позволила мобилизовать национальные силы, ответить на вызовы эпохи и осуществить значительные проекты в развитии российско-советской культуры. В то же время, будучи выражением верности революционному делу, коллективизм мог трансформироваться в формы «тирании большинства», преследования «чуждых элементов» и пр.

Притом, что практическая реализация возникших в ментальном коде идей была далека от их содержания, по сути, они стали модифицированным выражением его прежних структурных установок. Коллективизм совместился с идеей всеединства, соединенной с любовью к Родине и матери-земле; партийность, став новым эталоном социально-политической организации и вертикали власти, оказалась сопоставимой с иерархическим строем соборности; идейность по своему функциональному предназначению оказалась близка софийности и духовным традициям православия, неся веру в идеальное мироустройство.

Указанные понятия стали ключевыми и в понимании должного, смысл которого (как и в русской идее) увязывался с *исторической миссией российско-советской культуры, призванной возвести некое идеальное будущее и указывающей в него путь всему человечеству*. Данный проект определенное время выступал мощным мобилиза-

ционным и интеграционным фактором в развитии российско-советской культуры, став основанием *интернационально-классовой идентичности* ее субъектов.

В основе данного проекта находилось догматизированное «научное», «всесильное» и «единственно верное» учение, утопичность которого на исходе XX в. стала очевидна всем, что вызвало не только глубокое разочарование в идеологическом мифотворчестве, но и девальвацию всей прежней системы идеалов и ценностей, ставших в массовом восприятии признаком анахронизма. *Деструкция* идейной составляющей ментального кода российско-советской культуры повлекла слом и других его ранее устойчивых элементов — коллективистского сознания и веры в правоту власти, реальные действия которой оборачивались идеологическим рабством, политическим террором, обслуживанием номенклатурных интересов и пр.

Третья волна модернизации, ознаменовавшая переход российской культуры в постсоветскую эпоху, началась на фоне крушения ее ментального кода, распада тех его составляющих, которые выстраивали ценностные ориентиры в организации ее духовного, социального и материального пространства. Данный процесс привел к вытеснению идейности культом потребления, партийности — абсолютизацией различных, в том числе криминальных способов обогащения, коллективизма — эгоцентризмом и групповым экстремизмом.

Деструкция ментального кода российской постсоветской культуры устранила основу идентификации ее субъектов, введя ее в состояние кризиса и поставив под сомнение ее способность давать ответы на исторические вызовы будущего. По мнению Кондакова, в этих условиях спасительной для нее перспективой может стать ее овладение методом «сознательного перевода бинарных структур бытия в тернарные структуры сознания», который предписывает «усвоить механизм *медиацции*»³⁴.

Приводя признаки реального сдвига «в сторону *тернарности* русской культуры», он указывает на совмещение в ее современном развитии, в одном случае, науки, искусства и религии, в другом — левых, правых и центральных политических сил³⁵. Кроме того, «третьей силой», являющейся «наиболее конструктивной и модернизирующей русскую культуру», в его

³⁴ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007. С. 306.

³⁵ Там же. С. 307.

теории оказывается «равнодушие, возведенное в ранг идеологии и философии», а «срединной культурой», выступающей «обнадеживающим» фактором, становится развлекательная массовая стандартизированная культура, стихия «хеппинга»³⁶. Между тем, некоторые из этих современных тенденций стирают уникальные черты российской культуры, делают их неразличимыми в контексте глобализации. Данная проблема высвечивает необходимость не только теоретической, но и практической реконструкции, а по сути *деконструкции* ментального кода российской культуры, учитывающей ее опыт и ошибки прошлого. Решение этой задачи предполагает восстановление и создание в его структуре идеалов *духовности, демократической государственности и гражданского единства*.

В то время как засилие массовой культуры ведет к примитивизации общества и лишает его перспектив развития, духовность, как доказывает П.С. Гуревич, выражает «способность человека переживать возвышенные чувства, восхищаться глубиной и мощью человеческой мысли, испытывать любовь к Родине, дерзать, творить и воплощать в жизнь свои идеалы»³⁷. Необходимость восстановления этой черты в ментальном коде постсоветской культуры сегодня ощущается особенно остро, ведь, как отмечает В. А. Лекторский, «если Россия не сможет повернуться к духовности, она погибнет как великая и неповторимая культура, а значит и как страна»³⁸. *Самоотверженное служение гуманным идеалам, готовность видеть в защите общечеловеческих интересов личное призвание, совмещение сокровищ нравственности, озарений религиозной веры, порывов творческого вдохновения, открытий научной мысли — такова суть духовности*, которая, возникая в глубине самосознания российской культуры, способна вновь поднять ее на вершину исторического развития.

Атрибутом духовности является *свобода*, которая неразрывно связана с идеей и принципами институционализации *демократической государственности*. Ментальная черта, выражавшая потребность российского общества в сильной

нерушимой власти, всегда способствовала консолидации национальных сил и была гарантом сохранности отечественной культуры. Обращая внимание на эту ее особенность, М.Н. Громов утверждает: «Идея государственного единства как вынужденного способа самосохранения на огромном евразийском пространстве является одной из важнейших в национальном самосознании россиян, не только русских»³⁹.

Современная деконструкция этой идеи заключается в том, что основой легитимации власти должен стать не догмат идеологизированной веры, но кодекс чести, а рычаги управления должны приводиться в действие не по прихоти и произволу, но в соответствии с правовом, устанавливающим *верховенство социальной справедливости, равной для всего общества законности и порядка*. В этом случае *демократическая государственность перестанет быть только идеей, но станет проводником нравственной воли и организатором созидательной энергии нации*.

Создание такого образования требует усилий всего общества, поэтому его важнейшей потребностью является достижение *гражданского единства*. Его суть — *в сплочении субъектов российской культуры и обретении ими национального согласия, позволяющего в полной мере раскрыть ее деятельностный потенциал и придать импульс ее развитию в новых исторических условиях*. Смысл деконструкции данной составляющей ментального кода выражается в прекращении ее понимания как низа в оценочно-иерархическом измерении и осознании ее равной, наряду с другими структурными элементами, значимости, проявляющейся в необходимости гражданской ответственности и инициативы в обустройстве современного пространства российской культуры.

Встраиваясь в прежнюю структуру ментального кода российской культуры, устойчивое стремление к духовности, демократической государственности и гражданскому единству формирует новые основы идентичности ее субъектов. Комплекс этих и иных сопутствующих мыслей и убеждений образует такой смысл должного, который усматривается в способности российской культуры сберечь свою уникальность и привнести ценности гуманизма и плюрализма в мультикультурный мир в условиях глобализации.

³⁶ Там же. С. 307, 308.

³⁷ Гуревич П. С. Из чего складывается духовная культура общества? // Философия и культура. 2012. № 5. С. 4.

³⁸ Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 35.

³⁹ Единство мира и многообразие культур (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 23.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. М.-Харьков, 1999.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
4. Бирюков Н.И. Соборность как религиозный и политический идеал // Философские науки. 2005. № 6.
5. Булгаков С.Н. Софийность хозяйства // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.
6. Гуревич П.С. Из чего складывается духовная культура общества? // Философия и культура. 2012. № 5.
7. Гуревич П.С., Шульман О. И. Ментальность, менталитет // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М., 2007. Т. 1.
8. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Полн. собр. соч. В 30-ти т. М., 1984. Т. 26.
9. Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1996. № 2.
10. Единство мира и многообразие культур (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2011. № 9.
11. Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007.
12. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
13. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
15. Российская ментальность: Круглый стол // Вопросы философии. 1994. № 1.
16. Скэнлан Д.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1.
17. Соловьев В.С. Оправдание добра. // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1.
18. Шульдин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социс. 1999. № 12.
19. Юнг К. К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М., 1997.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e // Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2-h t. M., 1994. T. 1.
2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. M.-Khar'kov, 1999.
3. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kom-munizma. M., 1997.
4. Biryukov N.I. Sobornost' kak religioznyy i politicheskiy ideal // Filosofskie nauki. 2005. № 6.
5. Bulgakov S.N. Sofynost' khozyaystva // Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli. M., 1993.
6. Gurevich P.S. Iz chego skladyvaetsya dukhovnaya kul'tura obshchestva? // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 5.
7. Gurevich P.S., Shul'man O. I. Mental'nost', mentalitet // Kul'turologiya. Entsiklopediya. V 2-h t. M., 2007. T. 1.
8. Dostoevskiy F.M. Ob'yasnitel'noe slovo po povodu pechataemoy nizhe rechi o Pushkine // Poln. sobr. soch. V 30-ti t. M., 1984. T. 26.
9. Dukhovnost', khudozhestvennoe tvorchestvo, nrvstvinnost' (materialy kruglogo stola) // Voprosy filosofii. 1996. № 2.
10. Edinstvo mira i mnogoobrazie kul'tur (materialy kruglogo stola) // Voprosy filosofii. 2011. № 9.
11. Kondakov I.V. Kul'tura Rossii: kratkiy ocherk istorii i teorii. M., 2007.
12. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M., 1985.
13. Lotman YuM. Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury. SPb, 2002.
14. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb, 2000.
15. Rossiyskaya mental'nost': Kruglyy stol // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
16. Skenlan D.P. Nuzhna li Rossii russkaya filosofiya? // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
17. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. // Solov'ev V. S. Soch. V 2-h t. M., 1988. T. 1.
18. Shulyndin B.P. Rossiyskiy mentalitet v stsenariyakh peremen // Sotsis. 1999. № 12.
19. Yung K. K voprosu o podsoznanii // Chelovek i ego simvoliy. M., 1997.